

Сергей Арутюнов

О ГЛУМЛЕНИИ

Учитель московской 492-й школы написал эмоциональный монолог о животрепещущей проблеме нашего времени, с которой сталкивается каждый педагог.

Замечательно! Но! Вы говорите: «Простить? Помилосердствовать? Несомненно». А что несомненно? По мне, так несомненно наказывать, по закону, по справедливости, не кровожадно и не беспощадно, а так, чтобы поняли, за свои поступки надо отвечать по закону. Они ведь бравируют своими нарушениями, они не милосердствуют к тем, кого реально оскорбляют. Они продолжают врать и изворачиваться, оскорбляют миллионы людей... Простить можно и нужно того, кто искренне раскаялся и ПРОСИТ прощения; а кто продолжает оскорблять и ТРЕБУЕТ прощения, того прощать нельзя, ибо это будет поощрение зла.

Простить? Помилосердствовать?

Несомненно.

Но сделать для себя вывод: против глумления и оскорбле-

ния у общества, если оно хочет жить дальше, должен выработаться безусловный нравственный иммунитет.

В последние дни у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что культура «креативного класса» есть глумление и кощунство.

Предыстория

Это было ясно ещё при Возникновении так называемого «постмодерна». Как восхитительно звучало это словечко в те приснопамятные времена, когда советская монументальная пропаганда окончательно засохла и превратилась в пародию на саму себя! К середине 1980 гг. от неё уцелела лишь оболочка, колеблемая ветром. Не убеждали больше ни культуристы в рабо-

чих робах с развёрнутыми знамёнами мировой пролетарской правды, ни счастливые лица матерей, жён и боевых подруг этих отличников боевой и политической: в жизни мы совершенно иные лица — угрюмые, озабоченные пропитанием посреди вдруг разверзшегося перед целой страной тотального дефицита.

Тогда как раз ко двору, к самой поре анекдотов про генсеков, пришёлся тот самый постмодерн, принявший в СССР личину «соц-арта». Virtuозно обыгрываемые центоны изрядно веселили интеллигентную, и не только столичную, публику. Смеяться после десятилетий страха хотелось. Молоды и отчаянны были N и NN, сделавшие себе на абсурдистском сталкивании цитат целое состояние, и не только духовное.

Поначалу постмодерн, салонный анфантеррибль, вежливенький саркастический мальчик в филологических очках, подвергал сомнению могучие вековые догмы, но постепенно его фигурка изрядно разлезлась, оволосела, надулась бюджетным пивком и в конце концов превратилась в монстра, пробующего свергнуть с пьедестала обычные человеческие представления о Добре и Зле.

Когда произошло это кошмарное перерождение? И было ли оно вообще?

Сложно ответить однозначно и прямо, особенно «ан масс». Тут замешана и приверженность европейской моде на скандал, и досада на невнимание властей, но с последним вышла промашка: власти то как раз одобряют, то молчаливо, то вполне весомо и материально, как в случае с присуждением премии за изображение непотребства на питерском мосту. Случаются акции и покрепче: наследственному художественному деятелю с редкой специальностью «галерист», знаменитому, пожалуй, лишь навешиванием воинских орденов на обезьяну, отдают в виде вотчины старинный русский город Пермь, жители которой регулярно выходят на улицы с требованием изгнать его с родной земли вместе со странноватыми творениями его банды.

Что это, урочный бунт обывателей против эстетически непонятного, чуждого? Или ответ на агрессию непонятного и чуждого против обывателей?

Генезис

Сегодня следует говорить не только о перерождении какого-нибудь постмодернизма в обычный сатанизм, мелкую бесовщину «передоновского толка», но прежде всего — о перерождении определённой части творческой интеллигенции.

Когда-то преданно пытавшаяся служить сталинскому режиму, гуманитарная интеллигенция испытала редчайшее разочарование в том, как относилась рабоче-крестьянская власть ко всякой попытке узурпировать социальную проблематику. Традиционно основная функция интеллигенции — вахта совестливости, доходящая до монополизации общественной совести, стала не нужна и выродилась в род обслуги, чем нанесла интеллигенции травму, от которой она так и не оправилась... Внуки неудачливых служак возненавидели свой век, а правнуки, дотянувшие до следующего, предались богу осмеяния Мому (постмодерну, соцарту) душой и телом. Вера в народ улетучилась и превратилась в синдром «брошенки». Не нужна бывшему гражданскому мужу-народу, интеллигенция заголосила и ударились во все тяжкие, пробуя доказать, что «нужна». И пригодилась разве что самым заштатным западным филиалам.

Но на этом испытания её не кончились: социализм притворился мёртвым, формально испутив последний дух, а на деле всем кадровым составом подался в бизнес-бесовщину. Легко было осмеивать старого пса, потерявшего хватку, нюх и зубы. Рука на новых кормильцев «с пушками и перьями» наготове не поднималась: толстокумы в России сделались непри-

косновенными. Только в народе с его чуткой анекдотической традицией видели в нуворишах уморительных ничтожеств. Интеллигенция же принялась осмеивать сам народ.

Свора подрабинеков, нороящая помочиться в Вечный Огонь, распаляется к каждому Дню Победы, видимой ими какой-то внебожественной религией. Им в голову не приходит, что люди в этот день если и молятся, то об упокоении душ своих близких, попавших в жернова «обстоятельств непреодолимой силы»... Нет, невдомёк. «Совки, держащие тирана» — вот кем являемся все мы в кривых зеркалах «элитарной культуры». Надобно осмеять. Тогда и орден на обезьяну, тогда и памятник солдатам-освободителям — на раскраску: «не освободители, а работодатели».

Сегодняшним властителям дум поразительно ловко удаётся взирать на национальный образ жизни словно бы из-за границы. По факту во многом так и есть: живя месяцами за пределами Отчизны, невольно приучаешься, наверно, видеть события в родных пенатах из-за бугра (бурга?), глазами западных телекомпаний, не жалующих наше Отечество генетически, регулярно, со скуки или по другим, гораздо более серьёзным политическим соображениям, делающих из него пугало.

Но пугало ль мы?

Да.

Да, да, да и да.

Система, созданная за последние 20 лет, ни человеколюбием, ни народолюбием не отличается. Безудержное обогащение одних неизбежно влечёт безудержное обнищание других, что бы там ни говаривал наш удивительной гибкости Госкомстат. Коррупция, наплевательство властей на беды «быдла», простых людей, которым ничем себя защитить, сделались и интеллигентской религией. Да и вывески давно сменились: интеллигентом быть смешно. Стало почётно быть интеллектуалом, которому за обеление Гитлера и его соратников уже и морды не набить: нетолерантно.

Однако, странная вещь: требующие на каждом шагу толерантности поразительно нетолерантны по отношению даже к возможным (!) протестам в свой адрес.

«Быдло»

Что же такое то самое «быдло», которым, чуть что, клеймят поборников нормальности?

Это мы.

Это все обнищавшие с новыми временами, те, у которых не нашлось достаточного угара мочить «конкурентов» в 90-е и запускать лапы в государственную мощну в «нулевые». Это те, кто

постеснялся учреждать компании и фирмы по скупке-перекупке импортного барахла и перепродаже на Запад национального достоинства. Те, кто не имеет пятиэтажных хором за городом и регулярной открытой визы за границу, двойного гражданства, личного стилиста и массажиста, адвоката и прочих милых прелестей госкапитализма, за которыми, как забором, маячит видение «важной персоны». «У кого нет миллиарда — может идти в ...!» (с) — вот лозунг новой «элиты».

Мы быдло потому, что не можем разделить обильно транслируемых сюда, в нас, вкусов меньшинства, нового паразитарного класса, ценности которого столь же эфемерны, сколь и чисто по-человечески омерзительны. Это нам не нужны ни их сборища в элитных клубах, ни их награды самим себе, ни их тёмные делишки по разделу нашего достоинства, ни их постоянная толкотня в телеэкранах. Это мы неуспешны и ничего уже давно не хотим, кроме одного: если вы такие гламурные, продвинутые, оставьте нас в покое. Дайте нам жить так, как нам кажется понятным и нужным.

Но нет!

Быдло, быдло, проклятое быдло, звучит с плохо скрываемой ненавистью отовсюду. Курглые сутки злобой исходят комментаторы, публицисты, «колумни-

сты» и «приглашённые эксперты», пиарщики, копирайтеры, банковские клерки, дизайнеры из разряда великих и прочая, прочая, прочая. Кто они, заработавшие себе на ворох чужих паспортов, замки и иномарки?

Креативный класс.

Что же такое креатив? А вот что: конструирование из готовых элементов путём их перестановки и получение самых диких и нелепых сочетаний. Так просто? Да, так просто. Богоматери вместо младенца вручить замотанное в пелёнки бревно — проходит на-ура. Чуть возмутятся — припечатываешь: пошли вон, быдло, не для вас писано (сказано, пропето, прыгнуто, нарисовано, слеплено и станцовано).

Это культура падших, отрёкшихся от добра в его мещанской ипостаси. Добро — уныло. Страшно осознать, но придётся: добро — уныло, иногда беспросветно. Добро — это вставать каждый день до рассвета, завтракать и идти на работу, работать, работать, работать, а вечером возвращаться домой и ложиться спать. Добро — это в поте лица зарабатывать детям на чёрствые горбушки, и лишь потому, что лёгкие деньги не приносят добра. Того ли самого? Нет, гораздо шире. Шальные деньги «креативного класса» заработаны при помощи диспропорционального надувания на рынке

громadных пузырей, их реальная стоимость куда ниже денег, заработанных рабочим или крестьянином. Реально креативщики, перекладывающие картинки на личных айпадах, зарабатывают сущие копейки. И лишь гигантские финансовые вливания в их деятельность, якобы ведущую народы в светлые завтра, делают каждое их касание пальчиком экрана поистине «золотым». Как взвиваются они, когда слышат в свой адрес, что просто обслуживают режим! До Болотной доходят. Но ничего в этой схеме не изменить.

Именно поэтому их культура, возникшая на руинах советской, является контркультурой, противопоставляющей себя даже не постсоветскому мещанству, а людям, продолжающим жить и работать. Это субкультура отравленных ядовитыми испарениями государственного капитализма профессионалов, которых забавляет любая настоящая человеческая боль, любое страдание, поскольку они пришли сюда не утешать, а усиливать страдание. Воевать, потому что их форварды назвали себя «войной».

Несколько лет назад я спрашивал одного из этих людей — чего вы хотите, пропагандируя матерное стихосложение? Не моргнув и глазом, человек ответил: конца света.

Казалось бы, безобидные шуточки в виде запихивания во влагалище куриц, групповухи в музеях, рисования фаллоса на разводных мостах далеко не так безобидны, как кажется. Это знаки крушения основ, наступления эры мерзости. Но в мерзости невозможно быть свободным, живым.

Общество, обессиленное нравственной неразберихой, потерявшее нравственный стержень, охотно принимает в себя вирус мерзости и гибнет...

Война всех против всех

Кто же в глазах этих выскочек из творческого цеха — народ? Безмозглое большинство, которое, как выявила одна из последних «оранжевых» дискуссий, обязано (!) безоговорочно подчиняться меньшинству, если не хочет погибнуть в невежестве. То есть, если меньшинство сказало, что выбирать Путина нельзя — значит, нельзя. Сказали верить в Летающего Макаронного Монстра — верьте. Нет слов, Летающий Макаронный Монстр прелестен и сам по себе представляет сложный симулякр массовых представлений о структуре божественных эманаций, переживающих стадию трансформации от анимизма к анимализму, но... можно

ли, даже осознавая, что прелести божественных нанобиотехнологий уже стучатся буквально в каждый подъезд, подчиняться — ничтожествам худшим?

Идеология ненависти и презрения к собственному народу вызревала в интеллигенции долгими десятилетиями. Сперва опаска, попытка свести старье счёты, затем разделение имущественное — и вот уже в чуть не положенной на полку рязановской комедии «Гараж» слова «Да, я из большинства!» отданы самому омерзительному персонажу в исполнении Невинного, будто бы одно это уже доказывает, что большинство не может быть правым.

Который год креативщики потешаются над православной церковью — замашками коллективного, а порой и индивидуального, но всё равно крупного собственника со всеми вытекающими привычками к роскоши... Тяжёлая тема.

Что церковь сегодня? Инстинктивное и, наверно, последнее прибежище людей, которым не оставили никакой идеологии государственнического или какого-либо иного толка. Стоит ли тем, у кого припасены иные прибежища, издеваться над своими же согражданами, не впадающими ни в ересь, ни в сектантство? Оказывается, стоит.

Да, новые церкви массово строились на деньги «братков». Да, церковные награды вручаются кровопийцам-олигархам, потому что церковь не делит людей на имущих и неимущих. Да, в храме Христа Спасителя устраиваются пафосные приёмы для великосветской черни, да, там порой пляшут и поют. Но...

Но к чему вспархивать на тамошний алтарь, сводя счёты с государством, а заодно со Святейшим и всей его паствой? Это ли не преступление — задирать ноги там, где молятся обо всём и всех на свете? Это ли не знак отсутствия культуры? Это ли не война, объявленная собственному народу?

Да, православных немного, не вся страна. Да, церковь старается влиять на события порой не самым лучшим образом. Её претензии на роль пастыря не всегда оправданы, поскольку за годы отделения от государства она попросту отвыкла вести себя по-пастырски.

Но это не повод для вознесения «весёлых шахидок» на пьедестал. Это не повод объявлять их «святыми революционерками», поскольку суть их «акции» — глумление. Оскорбление. Разжигание.

Я никогда не понимал русской страсти к юродивым, якобы являющимся органической частью православия. Показ миру

его гноя, может быть, и подвиг, но не в моём измерении. Для меня, в координатах пока преимущественно светских, глум на алтаре семантически ничем не отличается от «подвига» «художника» Кулика, лающего на прохожих в адамовой наготе. Такие «перфомэнсы», кажется мне, задумываются не в горячем пылу, а с холодным сердцем прирождённых барышников.

Мне, мучительно путающемуся посреди поистине чудовищного нравственного развала, настигшего мою Родину, понятно одно: православных задевать просто. Так же просто, как считать их быдлом. И любая «акция», направленная на унижение РПЦ, бьёт не по авторитету иерархов, а в первую очередь по душе простого прихожанина, которому до лампочки «актуальное» искусство и его тёмные цели. На обиженных воду возят? Возите. На страже «традиции» стоят такие же карнавалы, как панки, «православные хоругвеносцы», художники-концептуалисты, рисующие ещё не доведённому до белого каления непрерывными оскорблениями обществу самые крайние проявления консервативного сознания.

Визг, поднятый «креативным классом» вокруг ареста активисток, сигнализирует: власти обнаглели!

Наказана (как можно?) их «культура», за насковозь провокативное и полупегальное существование которой они ни копейки из собственного кармана платить не хотят. Они не желают видеть, что вокруг их несметных потребностей в развлечении возник целый бизнес разжигания любой розни — классовой, религиозной, национальной, выгодный не нашим конституционно избранным цезарям, но тем, кто в тридевяти землях отсюда жаждет нашей слабости, добивается её миллиардными инвестициями в наше растление, нашу неуверенность и нашу нелюбовь к себе самим.

Простить? Помилосердствовать?

Несомненно.

Но сделать для себя вывод: против гл҃мления и оскорбления у общества, если оно хочет жить дальше, должен выработаться безусловный нравственный иммунитет.

Три абзаца о чаемом будущем

Хватит воплей, петиций, сборов подписей и массовых акций. Гражданское общество, в которое нас втягивают, клоака та ещё.

Для того, чтобы никто нас не разделял и не властвовал над нами, нам нужна тишина. Как в день перед выборами, когда запрещена агитация, только не на день, а на те годы, которые остались каждому из нас, — для осмысления своего пути и пути страны, в которой мы родились. В тишине можно думать и чувствовать. В тишине можно каяться и прощать самим — и глупость, и сознательную подлость.

Наши воды сегодня мутны и отравлены, но они очистятся, едва мы сами перестанем испражняться в них. Когда культура научится уважать саму себя, а искусство начнёт уважать людей.

Не раньше.